

ПРОФИЛЬ

"ПРОЦЕСС ПОШЕЛ"?

8. МАРТА 2010

В марте этого года отмечаются сразу две годовщины, так или иначе связанные с перестройкой: 25 лет назад, 11 марта 1985 года, Горбачев был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС и 20 лет назад, 15 марта 1990 года, он был избран первым и, как потом выяснилось, последним президентом СССР.

Наши понимание и оценка любого исторического события или комплекса событий постоянно меняются по мере отдаления этого события во времени и в зависимости от масштаба его последствий. Захват власти большевиками в ноябре 1917 года в свое время вполне мог показаться всего лишь эпизодом в смуте, вызванной Февральской революцией. Затем он превратился в Великую Октябрьскую социалистическую революцию и "начало новой эры в истории человечества". Сейчас он стал "октябрьским переворотом", вырвавшим Россию из общемирового развития и задержавшим ее модернизацию. Пройдут годы, и в событиях ноября 1917 года увидят что-то еще. Так же переосмысливается и будет вновь и вновь переосмысливаться перестройка.

ОТ ПЕРЕСТРОЙКИ ДО МОДЕРНИЗАЦИИ

Что бы ни говорили, перестройка - всемирно-историческое явление, при-надлежащее отнюдь не только российской истории. И именно ее общемировое значение наиболее бесспорно и вряд ли подвергнется пересмотру при любом повороте истории. Это было очевидно в 1990 году, очевидно в 2010-м и будет очевидно в 2110 году. Перестройка ликвидировала мировую тоталитарную систему, освободила десятки народов и предотвратила угрозу ядерной войны. Это было именно то, к чему стремился Горбачев, хотя произошло все и не так, как он хотел. Однако никогда ничего не происходит в точности так, как нами задумано, и всемирные освободительные задачи перестройки можно считать в значительной мере реализованными. Но, как это ни парадоксально, наименее очевидно значение перестройки, если смотреть на нее в контексте российской политической истории.

За истекшую четверть века Россия прошла или почти прошла целый цикл развития. Мы увидели срыв перестройки в антикоммунистическую революцию, распад СССР, за преобразование и сохранение которого Горбачев боролся "до последнего", и приход к власти "демократов" во главе с Ельциным, означавший конец поступательного развития ко все большей свободе и началу движения в противоположном направлении. Демократия, казалось, наступила в 1991 году, когда еще в советской России прошли первые действительно честные и альтернативные выборы, принесшие победу Ельцину. Но затем демократия стала отступать, пока вновь не скрылась за горизонтом, и первые реальные выборы президента оказались последними.

Мы прошли через установление в России камуфлируемой правовыми и демократическими формами системы личной власти "безальтернативных" президентов, все эффективнее контролировавших политическую жизнь страны и все менее зависимых от общества. Мы прошли через расцвет этой системы при Путине, когда она все отчетливее стала напоминать доперестроечную советскую систему и когда Россия оказалась на волосок от возвращения однопартийности и пожизненной власти главы государства. И сейчас мы присутствуем при робких попытках нащупать выход из нашей постперестроечной системы, быстро перешедшей от расцвета к стагнации. И попытки эти напоминают первые шаги Горбачева. Теперешний медведевский термин "модернизация" является очевидным функциональным аналогом раннегорбачевскому "ускорению". Какой же свет это развитие проливает на перестройку?

ПРИ ВСЕМ БОГАТСТВЕ ВЫБОРА...

Самый важный вывод касается общества. Российское общество эпохи позднего Горбачева было вполне подготовлено к антикоммунистической революции под демократическими лозунгами. Но к переходу к реальной демократии, к системе, основанной на борьбе разных политических сил в рамках Конституции и ротации этих сил у власти, оно было совершенно не готово. И не готовы были не только "темные народные массы", но прежде всего сами демократы, которые поддерживали все действия своего лидера, включая и очевидно преступные, направленные на превращение его власти в безальтернативную и неограниченную (например, переворот 1993 года, больше известный как расстрел Белого дома). Уровень свободы, достигнутый к концу перестройки, превышал психологические и культурные возможности нашего общества, и отступление было неизбежно.

Разумеется, теперешняя "ельцинско-путинская" система была не единственно возможным исходом перестройки. В зависимости от множества не поддающихся учету случайных и субъективных факторов исходы могли быть разными. Но при любом из этих альтернативных исходов возможность прямого перехода к демократии по образцу центральноевропейских стран "не просматривается". Горбачев мог сохранить власть и на какое-то время отсрочить распад СССР, но только ценой отказа от дальнейшего движения к демократии и превращения своей власти в авторитарную.

А если бы во главе демократов оказался не Ельцин, а, скажем, Собчак, то различия были бы чисто стилистические. Ельцинско-путинская система была естественным исходом перестроечного развития, и альтернативные исходы принципиально от нее не отличались бы. Воспользоваться предоставленной Горбачевым свободой, как ею воспользовались исторически и культурно более подготовленные к демократии народы, мы не могли. И как попытка прямого перехода российского общества от тоталитаризма к демократии перестройка была обречена на поражение.

ДЕМОКРАТИЯ FOR EVER!

Второй вывод, вытекающий из нашего постперестроечного опыта, заключается в том, что, хотя демократический идеал перестройки и не мог быть реализован, он был и остается единственно возможным. На протяжении всей постсоветской и постперестроечной эволюции, которая вела в на-правление, прямо противоположном направлению развития горбачевской эпохи, к восстановлению многих черт советской системы, не было ни одной серьезной попытки найти какое-то идейное обоснование этой эволюции и возникшего из нее авторитарного режима.

Вся эта эволюция камуфлировалась в демократические формы и сопровождалась демократической фразеологией. Единственное, что могли придумать кремлевские идеологи, чтобы хотя бы как-то обозначить возникшую систему, - это термин "суверенная демократия" (аналогичный по своей бессмысленности "реальному социализму" эпохи застоя).

Когда Ельцин говорил о демократии, было ясно, что ради власти он может принять любую идеологию. Путин говорил о демократии не так много, а все больше о порядке. Медведев вновь ясно и убежденно провозглашает демократический идеал (хотя в действия свои убеждения переводить не спешит). Получается, нереализованному перестроечному идеалу нет никакой альтернативы. Этот идеал - норма, следовать которой не получается, но отказаться от которой и заменить ее другой невозможно: другой просто нет.

{ PAGE }

В КРУГЕ ВТОРОМ

И, наконец, еще один важный вывод.

Если попытка перейти к демократии в горбачевское время не удалась и, более того, как мы сейчас ясно видим, и не могла удалась, но при этом никакого другого идеала нет и не предвидится, значит, предстоит новая попытка его воплощения в жизнь.

Ее будет осуществлять несколько более подготовленное общество, уже адаптировавшееся к тому уровню свободы, который сохранился с горбачевского времени и даже закрепился постперестроечным развитием. Конечно, уровень этот ниже, чем в конце перестройки, но выше, чем в доперестроечное время. Надо надеяться, что мы чему-то научились и не будем, как в 1991 году, путать победу демократии с утверждением власти людей, называющих себя демократами, а у "архитекторов" новой перестройки будет меньше, чем у Горбачева, иллюзий и наивной веры в "разум народа".

У новой попытки будет больше шансов на успех. Однако все равно это будет трудное и рискованное дело, и гарантий успеха нет. Но если даже допустить возможность нового провала, это будет значить только то, что предстоит еще одна попытка. "Успокоиться" общество сможет лишь тогда, когда станет демократическим, как "успокоились" от революций, "революционных перестроек" и междоусобиц современные развитые демократические страны.

Перестройка, начавшаяся 25 лет назад, была великим прорывом к свободе, по своему значению не меньшим, чем Великая французская революция 1789 года. Но если судить об этой революции с двадцатипятилетней дистанции, то есть из 1814 года, то можно было бы сказать, что поражение ее очевидно. Полного возвращения к дореволюционным порядкам не произошло, но во Франции снова правили Бурбоны, и к 1830 году почти восстановился абсолютизм. И в том же году случилась новая революция. Франции пришлось пройти очень долгий и трудный путь, через серию побед и поражений демократии, чтобы опережавшие свое время и превышавшие возможности французского общества 1789 года идеалы революции были претворены в жизнь. И нам предстоит еще многое пережить, прежде чем демократический идеал перестройки станет реальностью. Но раньше или позже,

перестройку предстоит довести до конца.